
ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, МИФ PHILOSOPHY, RELIGION, MYTH

---

*Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 18–24.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(4(510)):18-24.*

Научная статья

УДК 304.9

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-18-24

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНОЙ МИФОЛОГИИ XX ВЕКА: КЕЙС «ВОЙНЫ МИРОВ»

Дмитрий Вадимович Мельничук¹, Софья Владимировна Тихонова²

^{1,2} Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

¹ mlchkdv@gmail.com, 0000-0002-6689-8904

² segedasv@yandex.ru, 0000-0003-2487-3925

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому анализу научной мифологии XX в. на примере кейса радиопостановки «Войны миров». Целью исследования является выявление механизмов трансформации локального медиатеатрального события в устойчивый научный и учебниковый сюжет, легитимирующий представления о всемогуществе медиа и пассивности аудитории. На основе анализа исторических источников, данных эмпирических исследований и работ по теории массовой коммуникации показано, что газетные интерпретации первой волны существенно расходились с реальным масштабом реакции аудитории на радиоспектакль и были сконструированы печатной прессой в условиях межмедийной конкуренции. Авторы доказывают, что последующая институционализация газетного нарратива в академическом знании была связана с дисциплинарными и методологическими интересами исследований массовой коммуникации. Особое внимание уделено российской рецепции кейса, сформированной в условиях ограниченного доступа к первичным источникам и воспроизводившей западный нарратив по принципу эпистемического доверия.

Ключевые слова: научная мифология, массовая коммуникация, «Война миров», медиамиф, межмедийная конкуренция, цифровая коммуникация

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03014, <https://rscf.ru/project/25-28-03014/>

Для цитирования: Мельничук Д. В., Тихонова С. В. Социально-философский анализ научной мифологии XX века: кейс «Войны миров» // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 18–24. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-18-24.

Original article

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SCIENTIFIC MYTHOLOGY OF THE TWENTIETH CENTURY: THE CASE OF “THE WAR OF THE WORLDS”

Dmitry V. Melnichuk¹, Sophia V. Tikhonova²

^{1,2} Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

¹ mlchkdv@gmail.com, 0000-0002-6689-8904

² segedasv@yandex.ru, 0000-0003-2487-3925

Abstract. The article is devoted to a social and philosophical analysis of scientific mythology of the twentieth century, using the case of the radio dramatization of “The War of the Worlds” as its central example. The aim of the study is to identify the mechanisms through which a local media-theatrical event was transformed into a stable scientific

and textbook narrative legitimizing ideas about the omnipotence of media and the passivity of audiences. Based on the analysis of historical sources, empirical research data, and works in the theory of mass communication, the authors show that the newspaper interpretations of the first wave differed significantly from the actual scale of audience reaction to the radio play and were constructed by the print press under conditions of intermedia competition. It is demonstrated that the subsequent institutionalization of this newspaper narrative within academic knowledge was linked to the disciplinary and methodological interests of mass communication research. Special attention is paid to the Russian reception of the case, which developed under conditions of limited access to primary sources and reproduced the Western narrative according to the principle of epistemic trust.

Keywords: scientific mythology, mass communication, “The War of the Worlds”, media myth, intermedia competition, digital communication

Funding. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-03014, <https://rscf.ru/project/25-28-03014/>.

For citation: Melnichuk DV, Tikhonova SV. Social and Philosophical Analysis of Scientific Mythology of the Twentieth Century: the Case of “The War of the Worlds”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(4(510):18-24. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-18-24.

Введение

Появление цифровых платформ и нейросетей не только стало важной вехой в развитии Интернета и новым этапом становления цифрового общества, оно затронуло научную рациональность. Из мира постклассической науки человечество переходит к науке цифровой, опирающейся на рациональность алгоритмическую. Дискуссии, сопровождающие этот переход, всё сильнее обнаруживают сложную взаимозависимость общества, науки и технологий, переплетение которых оказывается даже более сложным, чем предполагали представители направления SST (Social shaping of technology), междисциплинарного направления, конкурирующего с более известным в нашей стране трендом STS (Science, technology and society). Если постнеклассическая наука осмысляла свою специфику в диалоге-отрицании с наследием модерна, классической наукой, но сегодня наука XX в., неклассика и постнеклассика трансформируется в идеал «золотого века», в котором наука, какой бы она ни была, «честно» делалась людьми. Нейросетевые генерации, пост-правда и коммерческая ангажированность становятся новыми вызовами современности, в которую цифровой симулякр всё сложнее идентифицировать, а его притязания на актантную пассивность становятся всё более реалистичными, повышая риски для вовлеченных во взаимодействия с ним людей в условиях «турбулентной реальности» [1]. В этих условиях социальная философия может, конечно, занимать комфортную позицию наблюдателя. Однако более продуктивной представляется возможность заняться изучением социальной мифологии внутри науки, которое, с одной стороны, позволяет осуществить критическую

ревизию формирующегося идеала цифровой науки, а с другой — показать устойчивость и универсальность социально-технологического контекста во все времена. В рамках данной статьи мы попытаемся выяснить, какую роль медиатехнологии сыграли в трансформации медиаспекуляции в устойчивый сюжет учебников на примере кейса «Войны миров».

Ошибки как социальное поле медиации между философией и наукой

Кумулятивная теория развития науки, до сих пор, вероятно, доминирующая в обыденном познании, предполагает, что наука копит «правильные» знания, и в результате они растут, примерно так, как увеличиваются горы драгоценностей в сундуках у скупого рыцаря или пачка денег под матрацем у скряги. В этом образе ошибки не могут оказаться внутри сундука, потому что проходят фильтрацию далеко от его стенок — вряд ли скупой рыцарь принесет в свою сокровищницу булыжник или ветошь. Однако наука — это арена противостояния разных теорий и парадигм, внутри которых получают научные результаты, и результаты эти находятся в серьезной, а иногда и ожесточенной конкуренции именно потому, что, будучи рядоположенными, они могут отрицать друг друга. При этом ошибки внутри исследовательских программ — явления неизбежные и закономерные, они появляются по принципу «кто не ошибается, тот не работал». Как показывает К. Баршт, по методологическому модусу научные ошибки бывают теоретические и фактические: «в первом случае происходит нарушение правил логики, что порождает неустранимые противоречия, во втором — пропуски информации или

внедрение в описание информационного шума» [2, с. 41]. Устранение ошибок в соответствии с мертоновской моделью научного этоса является результатом императива критицизма — полученный исследователем результат проверяют и перепроверяют эксперты апробации (рецензенты), все исследователи, заинтересованные в этом результате (специалисты по теме), и, наконец, сам исследователь должен заняться самопроверкой. Но научная критика не преследует в качестве цели стигматизацию ошибки, ее задача — легитимация более релевантных результатов. Конечно, научные скандалы, связанные с ошибками, бывают весьма резонансными, но, как правило, их медийный эффект обычно связан с причиненным ошибочными данными вредом, ущербом или неоправданным распределением финансирования. В качестве примеров можно привести запрет ДДТ: из-за преувеличенных учеными опасений, что этот инсектицид наносит вред окружающей среде, в частности, приводит к гибели птиц, бедные страны третьего мира подверглись международному давлению и отказались от него, что привело к возрождению малярии в мире [3]. Аналогичная ситуация сложилась вокруг запрета асбеста [4]. Философская перспектива обеспечивает «работу над ошибками» на парадигмальном уровне методологии, научно-методологическая упрочивает востребованность менее ошибочных результатов в силу их релевантности. В этом контексте ошибки, исправлением которых никто не пренебрегает, получают шанс на долгую жизнь и социальное влияние. Именно к таким и относится кейс «Войны миров».

Кого и как атаковали марсиане

Орсон Уэлс, американский кинорежиссер, актер, сценарист, прославился в том числе эстетизацией медиаэффектов, связанных с конкретными массовыми каналами. Его фильм «Гражданин Кейн» занимал первое место в рейтингах лучших американских картин XX в., а драматическая постановка шекспировского «Макбета», реализованная в эстетике гаитянского афроамериканского театра, прославилась как «Вуду-Макбет». В 30-е гг. XX в. он работал на радиосеть «Columbia Broadcasting System» в проекте «The Mercury Theatre on the Air», специализировавшегося на новом тогда формате радиоспектакля. Вечером 30 октября 1938 г. в программе Орсона Уэлса транслировалась художественная адаптация романа Герберта Уэллса «Война миров». Она была выстроена в форме имитации стандартного вещания, где

рядовая музыкальная программа прерывалась экстренными новостными выпусками, правдоподобно имитирующими реальные новости того времени, вплоть до привлечения штатного диктора, о катастрофе и вторжении внеземных сил. Творческая игра с радиоформатами делала передачу необычной, но сама по себе не выводила ее за пределы экспериментального радиотеатра, характерного для конца 1930-х гг., использовавшего похожие художественные приемы [5, с. 149].

Масштаб непосредственной реакции аудитории был ограниченным. Радиорынок того времени был фрагментирован, а вечер воскресенья традиционно ассоциировался с популярными развлекательными программами конкурирующих радиостанций. Согласно данным рейтинговых измерений и последующим архивным исследованиям, постановку слушала лишь небольшая доля радиослушателей. Реакции, зафиксированные в частных письмах и полицейских отчетах, носили локальный характер и выражались преимущественно в форме недоумения или попыток уточнить услышанное [6]. В ходе самой трансляции радиостанция не фиксировала потока жалоб или признаков массового беспорядка, что позволяет говорить о принципиальном расхождении между событием и его последующей интерпретацией.

Однако в течение следующих дней печатная пресса активно формировала образ «массовой паники», вызванной постановкой Орсона Уэлса. Весьма вероятно, что газетной шумихи добивались и сам постановщик, и радиосеть. Уже утром 31 октября газеты вышли с материалами, описывающими произошедшее как общенациональную истерию, сопровождавшуюся бегством людей, параличом телефонных линий и угрозой общественному порядку. Эти публикации опирались преимущественно на анекдотические свидетельства и риторические преувеличения, не подкрепленные систематическими данными. В первую треть XX в. экономическая конкуренция в медиасфере была настолько жестокой, что толкала редакторов на весьма экстремальные экстравагантные приемы противостояния. Примером может быть трагическая судьба Филлипа Пейна, главного редактора газеты «The New York Daily Mirror», пионера таблоидной журналистики в «ревущие двадцатые» и «генерала» таблоидных войн. Пейн погиб в возрасте 34 лет при крушении моноплана «Олд Глори», пытавшегося осуществить рекордный трансатлантический полет. Репортаж о рекорде должен был стать прорывным маневром в битве за читательское внимание. В контексте

таких традиций, гипотеза о том, что газетный нарратив о марсианах Орсона Уэллса выполнял прагматическую функцию дискредитации нового медиума, который активно оттягивал рекламные бюджеты и внимание аудитории, — выглядит убедительной.

Именно газетная интерпретация задала рамку, в которой событие стало осмысляться как доказательство уязвимости массовой аудитории перед медиавоздействием. В дальнейшем эта рамка была институционализована академическим знанием. Если сегодня профессиональная журналистика и наука сопрягаются через неформальное знание журналистики гражданской [7; 8], то к концу первой половины XX в. связи между прессой и наукой были куда более короткими и интенсивными.

Психологические и социологические исследования начала 1940-х гг. приняли газетный нарратив в качестве исходного факта и встроили его в теоретические модели прямого воздействия средств массовой информации. Ключевой фигурой в этот период стал Х. Кэнтрил, психолог из Принстонского университета, который в 1940 г. опубликовал книгу «Вторжение с Марса: исследование психологии паники» [9]. При этом эмпирические противоречия и методологические ограничения подобных исследований не разрушили сложившийся образ события, а напротив, способствовали его закреплению в учебниках и научных обзорах как хрестоматийного примера.

Критика кейса

Работу Кэнтрила критиковал уже П. Лазарсфельд [10], команда которого установила рейтинг передачи Орсона Уэллса и пришла к выводу о том, приходившиеся на ее долю 4% от всей радиоаудитории составляли 1 млн человек, что крайне далеко от описываемых газетами 6 млн. Для Лазарсфельда «война миров» была ошибочным доказательством, которым оперировали представители группы теорий в массовой коммуникации, получивших название «волшебной пули» и восходящих к модели коммуникации Лассуэлла. В их рамках сообщения массовой коммуникации играли роль стимула в жестком бихевиоризме, гарантированно заставляя аудиторию действовать в соответствии с транслируемым ей смыслом. Лазарсфельд, напротив, разрабатывал теорию двухступенчатого потока коммуникации, где в селекцию информации включались лидеры мнений [11].

Более того, последующие исследования Лазарсфельда, включая знаменитое «The People's Choice» (1944), привели к формулированию двухступен-

чатой модели коммуникации, демонстрируя, что медиавоздействие опосредовано социальными сетями и межличностной коммуникацией. Однако явной связи между критикой модели прямого воздействия и пересмотром случая «Войны миров» Лазарсфельд не проводил.

Активная ревизия канонического нарратива о радиопостановке «Войны миров» относится уже к исследованиям XXI в. В центре этой волны пересмотра находятся исследования Д. Пули, направленные на выявление того, что медиасобытие и газетная спекуляция были институционализованы в научный миф, сыгравший важную роль в формировании самопонимания исследований массовой коммуникации в Соединенных Штатах. В рамках масштабного архивного анализа Д. Пули и М. Соколов обращаются к письмам радиослушателей, материалам полицейских ведомств и газетной хронике конца 1930-х гг. [12]. Полученные им данные позволяют утверждать, что описываемая в прессе «национальная паника» не имела эмпирического основания. Реакции аудитории были локальными, образ всеобщей катастрофы был медиапродуктом. Именно в этом качестве эпизод «Войны миров» был встроен в процесс институционализации самой категории «массовой коммуникации» как научного объекта. Исследователи, подобные Кэнтрилу и Лазарсфельду, работали в рамках проектов, финансируемых Фондом Рокфеллера. Их заинтересованность в наглядной демонстрации социальной значимости своих методологических подходов очевидна. Радиопостановка Уэллса оказалась удобным эмпирическим кейсом, позволявшим представить медиа как потенциально опасную силу и тем самым легитимировать необходимость экспертного и научного контроля над коммуникационными процессами.

Сходные выводы были получены Б. Шварцем в монографии «Broadcast Hysteria» (2015), где на документальном материале показано, что значительная часть свидетельств, традиционно приводимых в подтверждение паники, либо была журналистской фикцией, либо представляла собой непроверяемые анекдотические рассказы [6]. Дополнительно Шварц анализирует экономический контекст, выявляя заинтересованность печатных изданий в дискредитации радио и демонстрируя, каким образом радиоконпания «Columbia Broadcasting System» и Орсон Уэллс, первоначально опасавшиеся правовых последствий, впоследствии интегрировали возникший скандал в стратегии публичного самопозиционирования. В целом критическая традиция осмысления

медиафеномена «нью-йоркской массовой паники» показывает, что эффективность мифотворческого потенциала медиатехнологий, которые мы сегодня считаем морально устаревшими, может не уступать нейросетевому контенту, разница только в масштабах охвата. Однако социальная рефлексия, разворачивающая «критические дискурсивные механизмы» в отношении нейросетей [13, с. 131], сегодня интересуется радио и телевидением в историческом, ретроспективном ключе.

Российская рецепция

на пороге коммуникационной революции

На территории СНГ проникновение кейса радиопостановки «Войны миров» в научную и учебниковую литературу имеет собственную траекторию. В отечественное гуманитарное знание этот сюжет вошел не как предмет эмпирического анализа, а как уже готовый, канонизированный пример, зафиксированный в западных учебниках по теории массовой коммуникации. Решающую роль здесь сыграли позднеперестроечные и раннепостсоветские переводы работ по социологии и психологии массовых коммуникаций, в которых история «Войны миров» фигурировала как иллюстрация универсальной силы медиавоздействия и пассивности аудитории.

В этот период отечественная наука находилась в ситуации радикальной асимметрии доступа к источникам. Исследование радиоконтента и материалов американской печатной прессы 1930-х гг. требовало колоссальных усилий, связанных с физической работой в зарубежных архивах, микрофильмами, специализированными библиотеками и языковой подготовкой. Для большинства российских исследователей такая работа была практически недоступна как по институциональным, так и по финансовым причинам. В результате западный нарратив воспроизводился в форме пересказа, а не проверки, и опирался на негласный императив доверия к авторитету западной науки, которая в начале 1990-х гг. воспринималась как образец методологической зрелости и эмпирической строгости.

В учебниковых и обзорных текстах кейс «Войны миров» закрепился как почти аксиоматический факт, не требующий дополнительного обоснования. Он используется для демонстрации модели «магической пули», для иллюстрации опасности манипуляции массовым сознанием и для подкрепления представлений о медиа как автономной и потенциально деструктивной силе. Выявление всей академической литературы, тиражирующей

этот миф, потребовало бы масштабного исследования, в качестве подтверждения мы приведем несколько разноплановых источников, воспроизводящих миф о войне миров [14–16]. Один из авторов впервые воспроизвел кейс «Войны миров» в конце нулевых годов нынешнего века [17, с. 99] опираясь на научно-публицистическую работу А. В. Кукаркина «По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология» (1977) [18], и ей, как и всеми воспроизводившими этот сюжет, сама возможность альтернативного анализа события «на нашей стороне» практически не рассматривалась, поскольку отсутствовали инструменты для независимой реконструкции эмпирического материала.

Даже в Соединенных Штатах ситуация принципиально изменилась в лишь в конце XX в., когда масштабная оцифровка архивов массмедиа сделала возможным систематический анализ газетных публикаций, писем слушателей, рейтинговых данных и институциональной переписки. Именно технологическая трансформация исследовательской среды позволила выявить расхождения между реальными событиями и их последующей интерпретацией, а затем поставить под сомнение сам факт «массовой паники». Деконструкция мифа стала следствием не только теоретического пересмотра, но и радикального снижения транзакционных издержек доступа к источникам.

Заключение

Международное воспроизводство кейса «Войны миров» опирается на структурный зазор в технологиях и инфраструктурах знания. Политические границы, ограничения академической мобильности и неравномерное развитие цифровых архивов привели к тому, что разные научные сообщества на протяжении десятилетий оперировали разными версиями одного и того же события. История «Войны миров» тем самым демонстрирует, что наука, несмотря на претензию на универсальность, оказывается встроенной в конкретные социальные, политические и технологические условия, которые она не всегда способна быстро и безболезненно преодолеть. Кейс «Войны миров» демонстрирует, что его значение определяется не столько самим радиовещательным экспериментом, сколько процессом последующего символического производства. Реальное событие представляло собой единичный эпизод, тогда как интерпретация первой волны превратила его в универсальный сюжет о могуществе медиа и пассивности аудитории. Этот разрыв между

фактом и нарративом позволяет рассматривать «Войну миров» как ранний пример научного медиамифа, в котором социальные страхи, экономические интересы и дисциплинарные потребности науки слились в устойчивую схему объяснения. И в эпоху печатной книги технологии коммуни-

кации становились не только инструментами передачи информации, но и триггерами формирования долговечных мифологических конструкций, сохраняющих свою объяснительную силу далеко за пределами исходного события.

Список источников

1. Невелева В. С., Меняева М. П. Мир современного человека между турбулентностью и устойчивым развитием // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 5 (451). С. 69–76. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10510.
2. Баршт К. Об ошибках в научном поиске, и в текстологии в частности // Napis. 2020. № 26. С. 33–55.
3. Ferriman A. Attempts to ban DDT have had “tragic consequences” // The BMJ. 2001. № 322. С. 1270. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.322.7297.1270/d>.
4. Яргин С. В. Преувеличенное восприятие риска асбестообусловленных заболеваний: комментарий // Сибирский научный медицинский журнал. 2023. № 43 (2). С. 4–14. DOI: 10.18699/SSMJ20230201.
5. Heyer P. America Under Attack I: The War of the Worlds, Orson Welles, and ‘Media Sense’ // Canadian Journal of Communication. 2003. № 28 (2). P. 149–166.
6. Schwartz A. B. Broadcast Hysteria: Orson Welles’s War of the Worlds and the Art of Fake News. New York : Hill and Wang, 2016. 368 p.
7. Гришечкина Н. В., Тихонова С. В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 123–138. DOI: 10.5840/eps201855233.
8. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. «Гараж» истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 237–254. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.72.72.015.
9. Cantril H. The Invasion from Mars: A Study in the Psychology of Panic. Princeton : Princeton University Press, 1940. 242 p.
10. Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. The People’s Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. New York : Columbia University Press, 1944. 178 p.
11. Katz E., Lazarsfeld P. F. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. Glencoe: The Free Press, 1955. 400 p.
12. Pooley J. D., Socolow M. J. Checking Up on The Invasion from Mars: Hadley Cantril, Paul F. Lazarsfeld, and the Making of a Misremembered Classic // International Journal of Communication. 2013. № 7. P. 1920–1948.
13. Дыдров А. А., Варламова А. С. Философия лица и нейросетевые агенты // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. Т. 7, № 2. С. 128–145. DOI: 10.46539/gmd.v7i2.647.
14. Югай И. И. Радио в арт-практике XX века // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 609.
15. Массовая коммуникация и общество : курс лекций / сост. В. А. Блажко, О. В. Леонтьева. Тирасполь, 2016. 121 с.
16. Архангельская И. Б., Архангельская А. С. Фейк-ньюс в доцифровую и цифровую эпохи // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 3 (37). С. 95–104. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10314.
17. Тихонова С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии. Саратов : СГСЭУ, 2008. 244 с.
18. Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета: Буржуазное общество: культура и идеология. 3-е изд., дораб. М. : Политиздат, 1981. 479 с.

Информация об авторах

Д. В. Мельничук — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теории функций и стохастического анализа.

С. В. Тихонова — доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, заведующий учебно-научной лабораторией «ЦИФРА».

Information about the authors

D. V. Melnychuk — Candidate Sci. (Physical and Mathematical), Associate Professor of the Department of Function Theory and Stochastic Analysis.

S. V. Tikhonova — Doctor Sci. (Philosophy; Law), Professor, Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Head of the Educational and Research Laboratory “TSIFRa” .

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 06.04.2026; accepted for publication 15.04.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.